

5. Menken H. L. The American Language: An Inquiry into the Development of English in the USA / H. L. Menken. – New York : Random House, 1957. – 671 p.
6. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён / Е. С. Отин. – Москва – Донецк : ООО «А Темп», 2006. – 440 с.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии (СРОТ) / Н. В. Подольская. – Москва : Наука, 1988. – 198 с.
8. Hirsh E.D., Jr, Kett J.F., Trefil J. The New Dictionary of Cultural Literacy // What Every American Needs to Know. – Houghton Mifflin Company Boston, New York, 2002. – 647 p.
9. Smith A. H. (ed.). English Place-Name Elements. – Cambridge : CU P., 1956. – Vols. 1–2.
10. Stuart G.R. Names on the Land: A Historical Account of Place-Naming in the United States (1945; reprinted, New York Review Books, 2008).
11. Online Etymology Dictionary. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com>2001-2014Douglas Harper, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Belenkaya V. D. Ocherki angloyazychnoy toponimiki. Moscow, Vyshaya skola, 1977, pp.118–119.
2. Dyzheva M. B. Precedency as the essential subject of linguoculture. Available at: <http://www.abv-project.ru/412> (Date of use: 20.06.2014).
3. Maslova V. A. Lingvokulturologia. Moscow, 2001, p. 53.
4. Karaulov U. N. Russkiy lazik I iazikovaia licnost. Moscow, Nauka, 1987. pp. 216–217.
5. Menken H. L. The American Language: An Inquiry into the Development of English in the USA. New York, Random House, 1957. 671 p.
6. Otin E. S. Slovar konnotativnih imen. Moscow, Doneck, A Temp, 2006, p. 440.
7. Podolskaia N. V. Slovar russkoi onomasticeskoi terminologii (SROT). Moscow, Nauka, 1988, p. 198.
8. Hirsh E. D., Jr, Kett J. F., Trefil J. The New Dictionary of Cultural Literacy // What Every American Needs to Know. Houghton Mifflin Company Boston, New York, 2002. 647 p.
9. Smith A. H. (Ed.). English Place-Name Elements. Cambridge, CU P., 1956. Vols. 1–2.
10. Stuart G. R. Names on the Land: A Historical Account of Place-Naming in the United States (1945; reprinted, New York Review Books, 2008).
11. Online Etymology Dictionary. Available at: <http://www.etymonline.com>.2001–2014Douglas Harper.

ЗООМОРФНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ В СОМАТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕМИКЕ РУССКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ

Абдельхамид Саид Ахмед Мохамед, младший преподаватель, Каирский государственный университет Айн Шамс, 11566, Египет, г. Каир, e-mail: said_abdelhameed@alsun.asu.edu.eg.

Статья посвящена выявлению эталонов и стереотипов в русском и арабском этноязыковых сознаниях. В центре внимания находятся как этнокультурные универсалии, так и уникалии, формирующие в соматической фраземике символические значения.

Ключевые слова: соматические фразеологические единицы, культурный код, символ, эталон

ZOOMORPHIC CODE IN THE SOMATIC PHRASEOLOGISMS OF RUSSIAN AND ARABIC LANGUAGES

AbdelHamed Saied Ahmed Mohamed, Assistant Lecturer, Ain Shams University, 11566, Egypt, Cairo, Khalifa El-Maamon st., Abbasiya sq., e-mail: said_abdelhameed@alsun.asu.edu.eg.

Article is devoted to revealing standards (or exemplars) of measure and stereotypes of the Russian and Arabic ethno-linguistic consciousness. In the spotlight there are both ethno-cultural universals and particulars, which forming symbolical values in the somatic phraseologisms.

Keywords: somatic phraseologisms, cultural code, symbol, standards (or exemplars) of measure in culture

Языковая картина мира отражает уникальный результат многовековой работы коллективного этнического сознания над осмыслением и категоризацией бытия человека во Вселенной [см.: 7, с. 9]. Категоризация феноменов культуры осуществляется с помощью кодовой системы. Метафорически код можно представить в виде сетки, «которую культура "набрасывает" на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его» [6, с. 232]. Разнообразные формальные «обличья» культуры формируются различными кодами, однако наиболее значимым является антропоморфный, поскольку, как известно, для первобытного человека был характерен антропоморфизм – олицетворение явлений природы, мыслительный процесс переноса облика и свойств человека на животных, мифологические создания, наделение их человеческими качествами [3, с. 221]. Взаимоотношения человека с животным миром всегда оставались одним из важнейших аспектов жизни человеческого общества, что находит отражение в культуре различных эпох и народов. Стремясь понять себя, человек прибегал к сравнению с тем, что ему было ближе всего в природной среде и похоже на него самого, – с представителями животного мира. Вот почему соматический код (тело в нём служит моделью познания и языкового конструирования мира) оказывается так тесно связанным с зооморфным.

Зооморфные символы, квазисимволы и образы, являющиеся стереотипными структурами русского и арабского языковых сознаний, служат средством репрезентации в семантике соматических фразем (СФЕ) преображённой объективной действительности. Под СФЕ понимаются устойчивые словосочетания, смыслопорождающими компонентами которых являются слова – названия частей тела человека или животного. Причём такой соматический компонент может быть не только синтаксически главным, но и зависимым. Ср.: 1) *с гульки́н нос* (шутл.) – ‘о ком/чём-нибудь очень маленьком или немногом’. Буквально – «с голубиный нос (клюв)». *Гульки́н* – притяжательное прилагательное от слов *гулька*, *гуля* – «голубь», возникших на основе звукоподражания; 2) *не видеть дальше своего (собственного) носа* – разг., неодобр., только несов. ‘не замечать происходящего из-за отсутствия интереса или своей ограниченности’; 3) *короче воробы́ного носа* – ‘очень мал, короток; непродолжителен’; 1) *فنأل دي ديش* (букв. с сильным носом кто) – ‘гордый, самолюбивый человек’; 2) *فنأ قنراً نم دعبأ عري ال* (букв. *не видеть дальше кончика своего носа*)¹ – ‘о человеке с ограниченным кругозором’.

Наблюдение за жизнью животных, характер взаимоотношений с ними (их польза или, наоборот, грозящая человеку опасность) сформировали особые устойчивые ассоциации этих животных с соответствующими жизненными си-

¹ Кончик носа в арабском языке обозначается еще метафорически, зоонимом *أرنبة* – ‘зайчиха’, входящим в состав СФЕ *فنأ قنراً نم دعبأ عري ال*.

туациями, которые со временем превращались в культурные смыслы, знаки и символы. Зоохарактеристики основываются на реальных (объективных) качествах животных или мнимых (субъективных), которые приписываются им фантазией и лингвокреативным мышлением народа. Как подчёркивает В.Н. Телия, отображённые во фразеопорождающем образе признаки культурноносных реалий (их функции, размер, границы, форма, цвет), выполняют в «языке культуры» роль символов, эталонов и стереотипов [5]. Зооморфный культурный код анализируемых русских и арабских СФЕ актуализирует в языковом сознании образы живых существ:

1) животных: рус.: *медведь, слон, собака, еж, мышь, змея*; араб.: *جمل, بغير* (верблюд), *كلب* (собака), *ذئب* (волк), *فأر* (мышь), *أسد* (лев), *عناق* (рысь), *ثعبان* (змея);

2) птиц: рус.: *кур, цыплёнок, воробей, голубь, синица, страус*; араб.: *طائر* (птица), *عصفور* (воробей), *نعامة* (страус);

3) насекомых: рус.: *муха, комара*; араб.: *بعوضة* (комар), *نباية* (муха). Причём квазисимволами могут выступать зооморфизмы, которые, не являясь особыми знаками культуры, могут воплощать в семантике СФЕ какую-либо культурноносную идею [см.: 6, с. 243]. Обратимся к наиболее частотным из них.

Мышь. Обозначая вредоносного животного, обитающего в маленьких щелях, скрытых от человеческих глаз, лексема *мышь* сочетается с лексическими компонентами фразем, называющими внутренние органы человека. В компонентном составе русских фразем она сочетается с лексемой *сердце*, а в компонентном составе арабских фразем – с лексемой *грудь*. В обоих языках она выступает символом тревоги и волнения. Ср.: *мышь (мыши) на сердце скребёт (скребут)* у кого 'кому-либо грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно'; *لعب الفأر في عبه* (букв. *мышь сыграл в груди у кого*) 'кто-либо почувствовал страх, тревогу'.

Образ *собаки* (пса) в русских СФЕ связан с репрезентацией низменных денотативных ситуаций. Во фразеологическом корпусе русского языка имеется не менее семи образов, связанных с собакой. Ср.: *Вот где собака зарыта. Устал, как собака. Собак вешать* на кого. *Собаку съел. Ни одна знакомая собака не встретила*. И только две соматические фраземы: *как собаке пятая нога* и *псу (собаке) под хвост*. При этом для усиления их образного восприятия используются связанные с ними дополнительные соматические представления. Мысль о ненужности или бесполезности вызывает ассоциацию с абсурдными представлениями. Так, вопреки всякой логике (у собак только четыре ноги), рассуждая о полезности кого/чего-либо, даётся ложное утверждение: (нужен) *как собаке пятая нога* – 'совсем, совершенно не нужен'.

Чувство досадной и бессмысленной утраты вызывает образную ассоциацию с основанием собачьего хвоста: *псу (собаке) под хвост* – 1) 'напрасно, зря, впустую (тратить, расходовать)'; 2) 'никуда не годится, не стоит внимания'. В русском языковом сознании средством фамильярного порицания и незлобной брани служит метонимический образ собачьей морды, вербализация которого используется в качестве основы имплицитного (скрытого) сравнения: *лётся голова*. Собака брехлива: постоянно лает. Это ассоциируется в русском сознании с чем-либо клеветническим: *вешать собак на шею* кому – 'наговаривать, клеветать на кого-либо, необоснованно обвинять в чём-либо'.

Обычно собачий хвост имеет скрученную форму. Его невозможно распрямить, что в арабском языковом сознании связывается с представлением о невозможности исправить у человека плохие качества его натуры: *ذيل الكلب لا)* (букв. *собачий хвост не выпрямится*) – 'о том, что человеческую природу не изменить, злой человек не станет добрым и т.д.'.

Змея. В русском и арабском языковых сознаниях бытует представление о змее как об опасном, коварном и хищном существе. В русской СФЕ *отогревать змею на груди* – 'проявлять внимание, заботу, любовь к человеку, кото-

рый платит за это неблагодарностью' – змея является символом коварства, предательства и неблагодарности. В арабской культуре змея и особенно её голова – общеизвестный символ зла, зловредности. Это самая опасная часть змеи: её пасть источает яд. Это находит воплощение в семантике СФЕ *رأس الأفعى* (букв. *голова змеи*) – 'источник зла'; *قطع رأس الأفعى* (букв. *отрезать голову змеи*) – 'уничтожить источник зла'.

Воробей. Воробей и голубь служат в русских СФЕ эталоном чего-либо ничтожно малого, короткого: *короче воробьиного носа, с воробьиный нос, с гулькины нос* 'предельно мал', *воробью по колено* 'очень мелко (о водоёмах)'. Схожую символику имеет образ воробья в арабской паремии *عصفور في اليد خير من ألف على الشجرة* (букв. *один воробей в руке лучше тысячи на дереве*). Однако в арабском языке используется уже не воробьиный соматизм. Да и соотносится СФЕ с русской паремией *лучше синица в руке, чем журавль в небе* 'то, чего мало, но гарантированно, лучше то, чего много, но иллюзорно'. В арабской фраземе соматизм *рука* символизирует владение, а зооним *воробей*, вместо русской *синицы*, – некую ничтожную малость. Вся соматическая паремия выражает идею о целесообразности довольствоваться малым, но зато реальным, предпочитая его большому, но призрачному.

Для воробьёв и вообще птиц характерны суетливость, непоседливость и подвижность. Поймать их – дело весьма непростое. Ср.: русская СФЕ *ухватить синицу за хвост* – 'добиться успеха в каком-нибудь трудном деле'. При малейшем движении со стороны человека они быстро покидают насиженное место. Чтобы их не спугнуть, нужно сохранять спокойствие. Это отражено в арабских СФЕ *كان على رؤوسهم الطير* (букв. *будто птицы находятся на их головах*) – 'какие-то лица внимательно слушают кого/что-либо, сидя так тихо и молчаливо, будто боятся спугнуть птиц, сидящих на их головах', *طارت عصفائر رأسه* (букв. *с чьей-либо головы слетели воробьи*) – 'кто-либо почувствовал испуг, страх'. В данных фраземах птицы являются символом тишины и спокойствия. Чирикающим птицам также уподобляется урчание в животе голодного человека в СФЕ *صاحت (زقزقت، نقت) عصفائر بطنه* (букв. *в чьём-либо животе чирикают воробьи*) – 'кто-либо испытывает сильный голод'. В доисламской культуре поведение птицы служило знаком, предзнаменованием, приметой. Не случайно, прежде чем приступить к какому-либо делу, арабы доисламской эпохи отправлялись к гнезду птицы. Если вспугнутая птица улетела в правую сторону, то они воспринимали это в качестве хорошего предзнаменования, а если улетела в левую – дурной приметы. И тогда арабы говорили: *انقلب رأيي اطلال عرج* 'по знаку птицы, следует поступить так'. Кстати, глагол *تطير* – 'считать что-либо хорошим или дурным предзнаменованием' происходит от имени существительного *طائر* 'птица'. Это находит отражение и в СФЕ коранического происхождения *طائر في عنقه* (деяния человека [словно ожерелье] висят на его шее) – 'нести ответственность за результаты своих деяний, какими они не были – хорошие или плохие'. В данной фраземе отражено метафорическое представление арабов, соотносивших птицу с неким деянием.

Комар – маленькое кровососущее насекомое. Он сосёт кровь с помощью подобного крошечной спице хоботка. Если даже такой (почти невидимый) носик не просунуть, то зазора (т.е. изъяна) в изделии вообще нет. Значит, работа выполнена безукоризненно. Именно эту идею несёт русский СФЕ *комар носа не подточит* – 'что-либо сделано так, что не к чему придраться'. В целом данная фразема выражает высшую оценку идеально выполненной работе. Камнем преткновения в осмыслении фраземы служит его глагольный компонент *точить/подтачивать*. Здесь он означает 'съесть', 'изгрызть'. Изначально выражение *комар носу не подточит* являлось носителем высшей оценки тому или иному изделию: 'дело сделано безупречно, и даже самому проникательному человеку не найти каких-либо зацепок и шероховатостей'.

В арабском языковом сознании комар также связан со стереотипным представлением о чём-либо очень маленьком. С целью усиления литоты для выражения символического значения ничтожной малости арабская фраза включает в свой компонентный состав комариный соматизм (*крыло*). Ср.: СФЕ *لا يساوى جناح بعوضة* (букв. *не стоит крыла комара*) – ‘о чём-либо совсем малом, мелком и маловажном’. Данный зооморфный образ восходит к тексту Корана: Аллах, прибегая к аллегории, приводит притчу про комара или про что-либо ещё более ничтожное, чтобы научить людей праведным морально-нравственным отношениям [2: Сура Корова, аят 26].

В другой СФЕ с образом комара связывают нечто трудноосуществимое: *كلفني مخ البعوض* (букв. *работа сравнима с поиском у комара мозгов*) – ‘что-либо стоило утомительного труда, того, что выше сил, трудноисполнимо’. Характеристика внутреннего состояния и настроения человека находит отражение в русских и арабских СФЕ с зоонимом *муха*. По суеверным представлениям, дьявол мог оборачиваться в мух, жуков и других насекомых, чтобы через нос, рот или ухо проникнуть в тело спящего человека и тем самым сделать его бесноватым. В русском сознании это ассоциируется с легкомыслием. Ср.: СФЕ *мухи в голове* – ‘о странном, глупом, легкомысленном человеке’. Поскольку легкомысленность и состояние опьянения близки друг другу, в другой СФЕ образ мухи оказывается связанным у русских с опьянением. Ср.: *с мухой <в голове>* – ‘в состоянии опьянения, навеселе’. В арабской лингвокультуре муха выражает представление о незначительности объекта. В когнитивном субстрате арабской СФЕ *بيتخانق مع ديان وشه* (букв. *кто-то сражается с мухами, мелькающими перед его лицом*) образ мухи функционирует для обозначения человека, быстро гневающегося или испытывающего настолько пылкий гнев, что готов воевать даже с жалкими мухами, атакующими его лицо.

Медведь и верблюд – это прототипные животные, служащие символами соответственно русской и арабской среды обитания. Медведь служит тем стереотипным образом, который всплывает в языковом сознании, когда речь заходит о России. Для русских медведь – хозяин леса, он ассоциируется одновременно с добродушием и яростью, с богатырской силой и неуклюжестью, с ленивостью и материнской нежностью. В русских СФЕ медведь связывается с представлением о большой физической силе и громадных размерах. Вместе со слоном медведь выступает эталоном чего-либо тяжёлого, огромного и неуклюжего. Ср.: русские СФЕ *медведь на ухо наступил кому*, *медведь ухо отдавил кому* и *слон на ухо наступил кому* – ‘кто-либо совсем лишён музыкального слуха’. Шкура медведя – вещь ценная, приносящая охотникам немалый доход, ради чего они подвергают себя большим опасностям, зная, что успех в охоте на такого крупного зверя не всегда гарантирован. Лежащий в основе фразеологического значения образ *медвежьей шкуры* символизирует успех и прибыль, а *неубитый медведь* – только их иллюзорную вероятность. Отсюда обобщённо-целостное значение СФЕ *делить шкуру неубитого медведя* – ‘преждевременно оценивать результаты какого-либо дела, распределять прибыль от ещё не осуществлённого предприятия, начинания’.

В жизни арабов – обитателей пустыни – носителем подобного символического значения является *верблюд*. Верблюд – животное с большим телом, может нести тяжёлую ношу, хорошо приспособлен к жизни в суровой и безводной пустыне. Ноги верблюда не проваливаются в песок, как проваливаются копыта других животных. Его называют кораблём пустыни. В арабских СФЕ лексема *верблюд* используется в качестве символа путешествия: *ضرب إليه أكباد الإبل* (букв. *ногой ударять по печени верблюда ради чего-либо*) – ‘отправляться куда-либо с какой-либо целью’. Для того чтобы верблюд начал двигаться, обычно севший на него человек своими ногами ударяет по бокам верблюда, где и находится печень.

В силу того что на верблюде путешествовали долго, арабам нужно было определять места на спине верблюда, где удобно сидеть. Расположиться в задней части спины верблюда настолько неудобно, что это стало символом дискомфорта и неудобства. Ср.: СФЕ ركب أعجاز الإبل (букв. *сесть на зад верблюда*) – ‘кому-либо стоило больших усилий осуществить что-либо’. В образе другой СФЕ согласие сесть на такое неудобное место означает быть нетребовательным, довольствоваться малым. Ср.: ركب ننب العير (букв. *сесть на хвост верблюда*). В СФЕ ذكر من الجمل أنه (букв. *упоминать лишь об верблюжьем ухе*) – ‘слегка, поверхностно затрагивать какой-либо вопрос’, أعطاه من الجمل أنه (букв. *наградить кого-либо верблюжьим ухом*) – ‘пожертвовать чем-либо малым’. СФЕ возник на оппозиции «большое – ничтожно малое»: верблюд выступает в качестве эталона чего-то огромного, а его ухо служит символом чего-либо крошечного.

Ёж, курица и цыплёнок в сочетании с компонентом *голова* символизируют глупость, ограниченные умственные способности. Это связано с тем, что голова этих трёх животных крайне мала по размеру. Ср.: русские СФЕ *ежовая голова, курья голова, цыплячьи (куриные) мозги* у кого «о человеке небольшого ума, глупый, дурак».

Лев, рысь, волк. Лев – царь зверей; сильное, опасное хищное животное. Забрать у льва что-нибудь крайне опасно и трудно. В арабских СФЕ التقط من فم الأسد (букв. *подбирать из рта льва что*) – ‘с большими трудностями получить что-либо’, من فم الأسد (букв. *из рта льва*) – ‘добиваться успеха, одержать победу над сильным соперником’, بين فكي الأسد (букв. *стать, быть, оказаться между челюстями льва*) – ‘кто-либо окружён опасностями’ – пасть льва является символом опасности. Схожий культурный смысл передаёт СФЕ с зоонимом *волк*. Ср.: أتى بالذئب من ذيله (букв. *привести волка за хвост*) – ‘сделать невозможное’. Обычно говорится с иронией. *Рысь* – опасное, хищное животное. В то, что её можно поймать, трудно поверить. В СФЕ جاء بأذني عناق (букв. *принести уши рыси*) – ‘о том, кто непомерно лжёт’ – возможность поимки рыси ассоциируется с ложью, неправдой.

В группе русских и арабских СФЕ, относящихся к зооморфным кодам, выделяются единицы, где не самое животное, а его повадки, особенности поведения, свойства и качества становятся основой для возникновения образных ассоциаций. Так, с поведением *страуса*, который в случае опасности прячет голову в песок, ассоциируются образы русской и арабской СФЕ *прятать голову под крыло* – ‘стараться уйти от действительности, не замечать её’, دفن رأسه في الرمال (букв. *зарыть голову в песок*) – ‘уходить от решения проблемы; игнорировать факты, отказываться понять действительное положение вещей’. Существует много насекомых и животных, которые питаются кровью, таких, как *комар, клоп, летучая мышь*. Со свойствами таких кровососов связаны образы русских и арабских СФЕ. Русские СФЕ обозначают «эксплуатировать, использовать результаты чужого труда, извлекать пользу для себя»: *высасывать кровь* из кого, *насосаться крови* чьей, *пить кровь* чью, из кого, *сосать кровь* чью – ‘безжалостно помучить, поэксплуатировать кого-либо’. Арабские СФЕ с этими символами имеют несколько значений: امتص دمه (букв. *сосать кровь чью*) – ‘поэксплуатировать кого-либо’, مصاصو الدماء (букв. *кровососы*) – ‘об эксплуататорах’, شرب من دمه (букв. *пить кровь из кого*) – ‘исколотить, убить кого-либо’, ولغ في دمه (букв. *лакать кровь чью*) – ‘сплетничать, злословить о ком-либо’. Всем известно такое свойство *змеи*, как смена кожного покрова. Это находит отражение в арабских СФЕ انسلخ من جلده (букв. *отрываться от своей кожи*), غير جلده (букв. *изменять кожу свою*), بدل فلاتن جلده (букв. *менять свою кожу*) – ‘1) отказываться от своих корней, сущности, положения; 2) менять свои взгляды, принципы’.

Как показал анализируемый материал, зооморфный код не только презентует и моделирует определённые элементы этноязыковой картины

мира [1], но и кодирует окультуренные, символические представления о них. Окультуренные представления при этом передаёт не само животное, а его словесный образ, ассоциативно замещающий некую идею [7, с. 243]. Таким образом, зооморфный код в семантике СФЕ ярко отображает этнокультурное своеобразие идиоматики того или иного языка. Через систему стереотипных образов и эталонов, характерных для русской или арабской лингвокультур, раскрывается самобытный характер лингвокреативного мышления народа.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта, 2010. – 288 с.
2. Аль-Мунтахаб фи тафсир аль-Куран аль-Карим. – Каир : Изд-во Министерства Вакуфов Египта, 2000. – 1289 с.
3. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва : Высшая школа, 1961. – 398 с.
4. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-Этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
5. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : Аст-Пресс Книга, 2006. – 386 с.
6. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 286 с.
8. أبو سعد، أحمد. معجم التراكيب والعبارات الاصطلاحية العربية القديم منها والمولد. دار العلم للملايين، بيروت، الطبعة الأولى، 1987.
9. الطبعة الأولى 2007 فايد، وفاء كامل. معجم التعابير الاصطلاحية في العربية المعاصرة عربى عربى .

References

1. Alefirenko N.F. Lingvokul'turologija. Cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka. Moscow, Flinta, 2010. 288 p.
2. Al'-Muntahab fi tafsir al'-Kuran al'-Karim. Kair, Ministry Vakufov Egypt Publ., 2000. 1289 p.
3. Balli Sh. Francuzskaja stilistika. Moscow, Vysshaya shkola, 1961. 398 p.
4. Birihi A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Slovar' russkoj frazeologii. Istoriiko-Jetimologicheskij spravocnik. St. Petersburg, Folio-Press, 1998. 704 p.
5. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij / ed. V. N. Telija. Moscow, Ast-Press Kniga, 2006. 386 p.
6. Krasnyh V. V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: Kurs lekcij. Moscow, Gnozis, 2002. 284 p.
7. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. Moscow, Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. 286 p.
8. أبو سعد، أحمد. معجم التراكيب والعبارات الاصطلاحية العربية القديم منها والمولد. دار العلم للملايين، بيروت، الطبعة الأولى، 1987.
9. الطبعة الأولى 2007 فايد، وفاء كامل. معجم التعابير الاصطلاحية في العربية المعاصرة عربى عربى .